

Секция 3

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: РЕАЛИИ И МИФЫ ИСТОРИИ

23 мая 2008 г. Научная библиотека СПбГУП

Руководители:

ЧУРОВ Владимир Евгеньевич — председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП;

КОЗЛОВ Владимир Петрович — руководитель Федерального архивного агентства (Москва), член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор;

ЛЕПСКИЙ Юрий Михайлович — первый заместитель главного редактора «Российской газеты»

В. П. Козлов

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: ОТ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИФОВ ИСТОРИИ К ПОИСКАМ РЕАЛИЙ ПРОШЛОГО

Если следовать логике, содержанию и синтаксису названия нашей секции, мы должны констатировать: есть просто «прошлое», есть «актуальное» прошлое, есть «история» как «прошлое» и есть «реалии и мифы» этой истории. Каждое из данных понятий не то чтобы не совпадают, не то чтобы не пересекаются, но и не являются по большому счету равнозначными.

Строго говоря, «реалий» истории, то есть того, что общепринято, не подвергается отрицанию или сомнению, не так уж и много. Это факт, событие или их совокупность, *подтвержденные* документально или каким-то другим физическим способом. Следующие «реалии» — это доказательно установленные неочевидные связи между фактом, событием. Например, вполне доказательна связь краха романовской монархии и Первой мировой войны. Все остальное, начиная от интерпретации каких-то фактов, событий и связей между ними и кончая выявлением исторически значимых явлений и процессов и построением на их основе исторических концепций, есть не что иное, как в лучшем случае реконструкции произошедшего, основанные на общепринятых фактах, домыслах, гипотезах, предположениях, вероятностях. В худшем же случае это мифы.

Говоря об исторических мифах, следует понимать их разноплановость. Есть мифы, перешедшие в народное сознание в процессе своего нередко многовекового бытования. Такие мифы стали частью национального самосознания, и не надо на них посягать. Есть исторические мифы нашего времени, сознательно создаваемые как один из инструментов информационной войны в широком смысле. О таких исторических мифах следует сказать особо.

Есть мифы, основанные на сфальсифицированных документах, выдаваемых за подлинные исторические источники. С помощью общепринятых научных приемов анализа выявить и доказать такую фальсификацию не так уж и сложно, хотя имеются документы пограничного характера, например воспоминания Распутина.

Имеют место простые мистификации фактов и событий. Рассказ о Керенском, убегающем из Петрограда в 1917 г. в женском платье, — один из них. На основе имеющихся документов с помощью общепринятого инструментария не столь трудно доказать домысел или вероятность и невероятность этих мифов. Рано или поздно так и случается. Например, это произошло с документами, касающимися финансирования большевиков со стороны германского правительства накануне революционных событий 1917 г. в России.

Есть исторический миф-явление, исторический миф-процесс. Их опровержение представляет собой уже самостоятельное сложное исследовательское предприятие с неизвестным или трудно доказуемым результатом. Такое опровержение нередко может стать очередным историческим мифом-явлением, мифом-процессом. Стал ли Берия после смерти Сталина реформатором, чьи идеи потом подхватил Хрущев, или же Берия руководствовался обычными личными политическими интересами момента — всего лишь один из примеров мифов-явлений.

Очень трудно порой, если ориентироваться на современную, безусловно свободную, но ангажированную по разным причинам и основаниям историографию, понять, что перед нами — доказанные явление и процесс прошлого или не доказанные, но внедряемые исторические мифы-явления, мифы-процессы. В какой-то степени одним из инструментов такого понимания является типология мотивов возникновения действительных мифов прошлого и настоящего.

Самые простые и очевидные мотивы — заблуждения человека, историка, неосознанно вводящие в такие же заблуждения других. С этой точки зрения вполне понимаю некоторых прошлых и современных историков, положивших в основу своей методологии идею о том, что в России всегда шла борьба между патриотами, желающими стране добра и процветания, и некоей «пятой колонной», главной задачей которой являлось и является ее разрушение. Мир сегодняшний и мир прошлый с позиций такой

методологии выглядят простыми и понятными, ибо она основывается на взгляде из прицела трехлинейки времен Гражданской войны: там, в этом прицеле, виден только враг, даже тогда, когда войны нет.

Следующие мотивы, подчас уже более хитроумные, — это сознательные умыслы, преследующие личные или некие общественные интересы. Современный мир — это хаос, а уж его история — тем более, так можно определить исторические изыскания Фоменко и его последователей, разрушающих не явления и процессы прошлого, а его факты и события, и на основе такого разрушения предлагающих мифы-явления и мифы-процессы прошлого.

Наконец, самые сложные и изощренные мотивы — это политические интересы корпоративных сообществ и государств. Как правило, эти мотивы определяются сиюминутными, среднесрочными и даже долгосрочными политическими целями. При этом важно понимать фундаментальность таких интересов. Едва ли не все крупные и значимые историографии Нового времени, периода становления современных национальных государственных образований, выросли на идее национального самознания.

Тацит, описавший разложение Рима, для такой историографии был и всегда останется неприемлем. Отсюда воспевание всего героического и игнорирование или изящное объяснение всего того, что в теории героического не вписывалось. Уже в Новое время мистификация истории получила широкое распространение и обосновывалась воспитательной ролью истории для граждан нарождающихся государств. По такому пути сегодня пошла, например, современная официальная украинская историография. Никто не сможет оспорить, что в общественно-политической мысли среди представителей украинского политического сообщества на протяжении столетий после добровольного и законного вхождения Украины в состав России культивировалась идея «самостийности», в разные времена подкреплявшаяся действиями реальных политических сил. Можно спорить о том, были ли они маргинальными или доминировавшими, но подавлявшимися некими внешними силами. Однако невозможно отрицать нахождение Украины как части целого в некоем государственном образовании, равно как и трактовать те или иные события собственно украинской истории, являвшейся общей для государства, в которое она входила, в зависимости от того, выгодны или невыгодны они для современной независимой Украины.

Разумеется, политические мотивы мифологизации истории со временем неизбежно меняются. Возьмем отечественную историографию. Карамзинская модель отечественной истории оставалась популярной и признанной в России едва ли не весь XIX в., объединив идеи государственности, российской народности, гражданской нравственности и православия.

Марксистская модель, используя наработки В. О. Ключевского, изящно и внешне, как и у Карамзина, вполне убедительно представила российский исторический процесс в виде смены общественно-экономических формаций и борьбы классов, приведших к буржуазно-демократической и социалистической революциям.

Историография периода перестройки сделала историю России, во всяком случае XX в., сплошным месивом крови, страданий, пота и слез. Историография новой России пытается основать свою методологию на поиске «праотеческих добродетелей», патриотизме и соединить их с идеалами рыночной экономики и демократии.

Кто-то скажет, что по-своему не были правы представители всех этих четырех (разумеется, это не все течения российской историографии) историографий? Было российское государство как мощнейший элемент укрепления России и как элемент угнетения, подавления. Были беспощадные народные движения, коллективизация, ГУЛАГ, победа в Великой Отечественной войне, высокие духовные порывы и выдающиеся экономические свершения капиталистической России и СССР. Все эти и прочие историографии приспосабливали себя к «актуальному настоящему», а то и вовсе были его простым порождением. Но, может быть, в других странах все иначе? Может быть, мы — другие и только у нас «непредсказуемое прошлое»? Это не так. Позволю себе процитировать ответ шведского посла в России Ю. Муландера на предложение Центрального штаба Международной акции-проекта «Мы — наследники Победы!» принять и Швеции участие в «праздновании 300-летия Полтавской битвы и Победы при Лесной» (от 30 янв. 2007 г.): «Полтавская битва — важное историческое событие и для Швеции. Она стала поворотным моментом: с этого времени начался отход Швеции от великодержавия, сопровождавшийся постепенным сокращением территории, в результате чего наша страна вернулась к естественным географическим и этническим границам... Как ни парадоксально, в исторической перспективе польско-датско-российская агрессия 1700 г. пошла на пользу шведскому государству. Правда, в XVIII и XIX вв. в Швеции еще сильны были патриотические и реваншистские настроения. Установивались памятники, обычным явлением была патриотическая риторика о подвигах и старинных битвах... Границы Швеции, установленные по условиям Столбовского мира (1617) и Вестфальского мирного договора (1648), воспринимались как знак могущества собственного государства. Под влиянием романтики процветала подтасовка исторических фактов: наши монархи изображались героями, а противник высмеивался (например бегство Петра I из Нарвы до боя). Такие проявления вряд ли приемлемы в сегодняшней Швеции, исключая разве что некоторые самые маргинальные группы...»

В этом высказывании посла — квинтэссенция политического восприятия шведской истории. Швеция сегодня — маленькая, но процветающая страна, причины чего среди прочего можно найти и в том, что поражение в Полтавской битве стало толчком к ее благополучию сегодня. Правда, два столетия, а то и больше, «патриотические и реваншистские» историки, теперь ставшие маргинальной группой, смотрели на шведскую историю через статьи Столбовского и Вестфальского мирных договоров. Теперь такой взгляд не нужен. Почему же? Да потому что в современных мировых реалиях он невозможен. Заодно между строк и России рекомендовано вернуться к «естественным географическим и этническим границам» (вероятно Московии)

как залог ее будущего процветания по шведскому образцу.

Итак, перед нами изящное самооправдание настоящего смелой и неординарной с позиции современной России трактовкой случившегося несколько веков назад. Может ли принять сегодняшняя Россия современную шведскую методологию истории? Конечно же, нет. И вовсе не в силу своих имперских традиций и каких-то современных амбиций, которых попросту нет, а в силу своего права на существование в своих теперешних географических и этнических границах и осознания ответственности за судьбы своих граждан при новом, многим желанном, «шагреновом» возвращении в некие этнические и географические границы Московии.

Понятие истории как реконструкции прошлого сегодня особенно стремительно компрометируется. Политические мотивы интерпретации истории, которые никогда не пользовались авторитетом и уважением у неангажированных историков, ныне становятся самодовлеющими и как бы естественно необходимыми. И я имею в виду не только Россию. Как и у каждой страны, в ее истории есть чем гордиться, что осуждать и над чем печалиться. Куда опаснее, что никто не желает открыть правду истории, через нее — постигнуть истину и на ее основе восстановить справедливость.

Решение этой задачи совсем невозможное. Было бы только общее желание и согласие в ее достижении. Сегодня этого нет. Современные рассуждения об истории мне все больше и больше начинают напоминать картинки, которые возникают при прокручивании примитивного механического прибора под названием «калейдоскоп». Вот и крутят его историки, политики, политологи, изменяя проекцию имеющихся в нем камушков меж трех зеркальных плоскостей, пытаюсь в их хаотическом отражении найти нечто понятное для себя, а потому близкое, чтобы затем в очередной раз громко заявить о некоем тезисе, который в чреду других уйдет невозвратно.

В заключение я хочу сказать следующее: современная историография — подчеркну, что говорю не только о российской, — в самых разных проявлениях ее различных течений в значительной степени ориентирована на быстрый успех: политический, политологический, общественный, материальный, просто личный. Какие страсти, теперь освобожденные от цензуры, бушуют в ней! В погоне за таким успехом ей некогда заниматься первоисточниками, идти от них к выводам. Проще всего эти выводы набросать для себя в виде тезисов, а потом подкрепить их цитатами из документов, тем более что такие цитаты обязательно найдутся. Иначе говоря, «приноровить» историю к настоящему. Это всегда сделать легче, безопасней, и есть надежда на успех.

Известный марксистский историк М. Н. Покровский как-то заметил, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. У этой примитивной, но точной с позиции реалий не только сегодняшнего, но и вчерашнего дня формулы представления об истории есть более древняя, более изящная и не менее циничная формула-предшественница, предложенная Августином Блаженным: «Есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». Иначе говоря, истории

как таковой нет, есть лишь наше постоянно изменяемое настоящим представление о ней.

Человечество за время своего сознательного, а это значит документированного существования в своей истории всегда видело и будет видеть прежде всего политически значимые для современности факты, события, явления и процессы прошлого и в соответствии с каждой сиюминутной политической актуальностью интерпретировать их, рождая не столько новое историческое знание, сколько новые мифы. В современном мире для их внедрения нет и не может быть препятствий, даже если, опасаясь за будущее мировоззрение своих граждан, против них выступит государство с его обязательным и оправданным желанием построения определенной идеологии, в том числе опирающейся на историю.

И иного власти не дано. В условиях плюрализма общества во взглядах на современность и прошлое, в условиях невозможности консенсуса должна быть выработана некая компромиссная, примиряющая всех нас концепция, обеспечивающая «арифметику» восприятия истории, и, в меру наших сил, опираясь на нее, такое же отношение к сегодняшнему. Любому государству нужна «историческая арифметика», так же как конкретному человеку — обычная арифметика.

Разумеется, в такой «исторической арифметике» должны быть предупредительно обозначены все те опасности для современного Российского государства, которые однозначно проявили себя, например, в XX в.

Сегодня понятие и понимание истории (и не только в России) стремительно компрометируются именно своей политической и идеологической заданностью. Поэтому для тех, кто, несмотря на существование такой заданности и давления с ее стороны, еще не утратил понимания значения принципов и приемов исторического познания как познания научного и желания и умения применять их, важно отмежеваться от приверженцев заданности. Для таких исследователей должно стать ближе понятие «прошлого». Понимание истории как прошлого включает по крайней мере два аспекта — аспект «лаптеведения» как истории повседневности и аспект «людоведения» как судьбы конкретного человека, людских сообществ. Такой подход дает возможность реконструировать реальную жизнь реального человека в реальное мгновение прошлого. И это уже не «арифметика», а, если угодно, «теория относительности» прошлого, смысл которой в том, чтобы восстановить, объяснить и понять прошлое таким, каким оно было для конкретного человека в реальной среде его жизни и бытования. Тогда «прошлое» не будет выглядеть ни «актуальным», ни «неактуальным»: в нем мы будем видеть не «реалии», не «мифы», а только счастливую и несчастную, возвышенную и простую, честную и подлую жизнь людей ушедшего времени. Тогда эта жизнь, освобожденная от брони политики и идеологии, станет нам понятней и ближе. Через такую реконструированную жизнь станет понятней история государства, страны и народов, ее населяющих.

Разумеется, восстанавливая такую жизнь, нельзя не испытывать к ней уважения и сострадания. Принцип уважения прошлого и сострадания к нему вовсе не означает сокрытия или восхваления его

неприятных, трагических страниц, фактов, явлений, процессов. Он означает признание случившегося как уже непоправимого, как не просто урока, который необходимо знать в конкретный момент бытия, но урока поучительного, о котором, по меньшей мере, необходимо помнить.

Не лишним будет напомнить и о трех принципах реконструкции и оценок прошлого. Первый — это сохранение и обеспечение безопасности государственности как одного из условий обеспечения благополучия дома, в котором живет хотя бы одно поколение граждан страны и конкретный человек. Второй — это неотъемлемость честно заработанной человеком и его предками собственности, которой законные наследники вправе распоряжаться как угодно. Третий — это справедливость в распределении общенационального достояния, применительно к России в первую очередь связанного с ее природными ресурсами.

Для реализации и подхода к истории как к прошлому «лаптеведам» и «людоведам» приходится попотеть, понимая к тому же, что их успех будет изве-

* * *

В. Е. ЧУРОВ: — От имени самой старейшей службы России я приветствую моих коллег! Как известно, избирательной службе России в этом году исполнится 1146 лет. Мы ведем начало от 862 г., от первых демократических свободных, честных и справедливых выборов на Руси, результатом которых стало избрание Рюрика на княжение.

Восхищен блестящим, как всегда, докладом Владимира Петровича Козлова. Он убедительно подтвердил то, что в XXI столетии в условиях современной цивилизации руководитель Росархива является прежде всего политиком. Сколько бы ни говорили об истории как науке, история — это главным образом актуальная политика, что было подчеркнуто и в выступлении Владимира Петровича. И наши архивы — это тоже актуальная политика, что вновь и вновь подтверждается. Кстати, российские архивы — одни из наиболее открытых.

Я много работаю в наших архивах, в том числе военных, и стенания отдельных исследователей о том, что им что-то недоступно, мне совершенно непонятны. Доступно практически все. Попробуйте найти такую же степень открытости в финских, шведских или, не дай бог, американских и французских архивах! Где-то, может быть, и пойдут навстречу исследователю, а где-то вежливо, мягко «заволоkitят», и вы не получите ничего. Важнейшим фактором является то, что целый ряд стран сейчас финансирует истори-

стен и признан очень узким кругом специалистов. К сожалению, проблематика их исследований разрознена, не имеет единого, общего плана. Каждый вырабатывает свой одинокий и неповторимый «цветок» в личном «садишке» на рабочем столе. Приходится надеяться лишь на то, что кто-то однажды сведет их разрозненные выводы о частностях прошлого в общую и единую конструкцию и из всех этих разных «цветов» вырастит настоящую гармоничную «клумбу».

Архивы — это почва, на которой может вырасти такая «клумба». Хранящиеся в них документы наряду со СМИ являются одним из важнейших источников для изучения прошлого. Они замечательны не только временным, но и географическим охватом прошлого, приближением к повседневности и жизни значительной части конкретных людей и их сообществ. Именно в них зафиксированы мгновения ушедшего времени. Да, почти всегда такая фиксация субъективна, отражая субъективность человеческого восприятия мира, но для постижения прошлого человечеству иного (за небольшим исключением) просто не дано.

ческие исследования на территории Российской Федерации. Мягко говоря, они «покупают» наших историков различными грантами под видом гуманитарного сотрудничества. Если мы проанализируем отдачу от этих грантов, то окажется, что все они почему-то в пользу страны, заказавшей данное исследование. Такие исследования финансируют на территории Российской Федерации Швеция (несмотря на то что там считают Северную войну давно ушедшим прошлым), Норвегия, Эстония. Президент Украины финансирует из своих фондов целый ряд исследований в архивах Российской Федерации.

Все это наводит на мысль о том, что и мы, наверное, должны расширять практику грантов, выдаваемых зарубежным специалистам, у которых нет языкового барьера для работы в архивах своих стран. Это нужно в интересах создания объективной истории России на всех ее исторических территориях, на которых когда-то звучала или сейчас звучит русская речь.

Конечно, архивы Российской Федерации — это наша сокровищница. Если оценить общую реальную стоимость российских архивов, то по самым скромным подсчетам это примерно 50-летний бюджет Российской Федерации. И мы должны беречь и хранить эти сокровища самым тщательным образом. Это наше наследие, в том числе и в денежном выражении.